

В. П. СТЕПАНОВ

НЕИЗДАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Д. П. ГОРЧАКОВА

Д. П. Горчаков — своеобразная фигура литературной жизни на переломе от XVIII к XIX в. Он вошел в литературу поздно, в 1780-е гг., когда сатира начала уходить в малые поэтические жанры (басня, эпиграмма), и своим творчеством поддерживал классическую форму «сатиры» вплоть до начала XIX столетия. Через него идет эстафета жанра к молодому поколению поэтов — С. Н. Марину, М. В. Милонову и др. В «Беседе любителей русского слова», в соответствии с сохранявшей еще силу традицией литературных аналогий, его называли «наш Ювенал». Он был одним из самых поздних и последовательных русских классиков, сохранивших чувство преклонения перед классической французской традицией и поддерживавших художественный уровень постепенно теснимого новыми веяниями классицизма. Поклонник Вольтера, он оставался также в числе наиболее откровенных деятелей среди современных ему писателей — характерная черта русского человека века Просвещения.

Горчаков — типичный пример «забытого» писателя, вновь открытого лишь усилиями историков литературы. При жизни он печатался мало, но его «презревшие печать» стихи пользовались известностью и даже популярностью. О Горчакове несколько раз, начиная с раннего «Городка», в котором дан перечень любимых поэтов, упоминает А. С. Пушкин. В пушкинскую эпоху его «святки» («ноэли») становятся предметом подражания; постоянно цитируют его сатиры. Само имя Горчакова-писателя помнили и позднее, но забытыми и утраченными оказались многие его произведения, даже те, которые появились в печати при его жизни за его полной подписью и были вполне доступны учету библиографов. Когда в 1890 г. Е. С. Горчакова предприняла издание собрания сочинений своего деда, его стихотворная часть практически повторила учебную хрестоматию А. Д. Галахова. Не многое смогли добавить к корпусу «Сочинений» и рецензенты издания.¹

Интерес к творчеству Горчакова усилился после публикации писем П. А. Вяземского, из которых можно было заключить, что

¹ Наиболее существенной была библиография прижизненных публикаций Горчакова в журналах, приведенная в рецензии Н. М. Петровского (Литературный вестник. 1902. № 2. С. 155—160).

автором известной поэмы «Гавриилиада» был не Пушкин, а именно Горчаков. Впрочем, пушкинисты довольно быстро разобрались в истории с попыткой Пушкина в 1826 г. мистифицировать власти, приписав собственное сочинение покойному литератору, которому уже не могло грозить преследование.² Однако безуспешные поиски «Благовещенья» Горчакова (вряд ли вообще существовавшего) имели и положительный результат: они привели к выявлению и публикации других, ранее неизвестных стихотворений поэта.

Автографы Горчакова в большинстве своем не сохранились: рукописи его, как засвидетельствовала Е. С. Горчакова, погибли во время пожара в имении. Все стихотворения извлекались из массовых рукописных сборников. Однако широкая рукописная традиция, сохранив поэтическое наследие Горчакова, одновременно крайне осложнила его выявление из числа анонимных или безосновательно приписанных Горчакову малосведущими переписчиками стихотворений. В результате Горчакову неоднократно атрибутировали как явно не принадлежащие ему стихи, так и целый ряд таких, принадлежность которых крайне сомнительна. Хотя творческий диапазон Горчакова-поэта был достаточно широким (драматург, прозаик, лирик), в сборниках более всего представлено его сатирическое творчество, так как этот жанр своей злободневностью всегда возбуждал интерес читателей. На поиски его сатир были направлены и первые, не всегда удачные, усилия публикаторов.

Источники, которыми они пользовались, очень разнятся по авторитетности. Так, В. Е. Якушкин в статье по поводу издания «Сочинений» 1890 г. приписал Горчакову все пять стихотворений, тематически связанных с пребыванием в Москве пленного шведского адмирала Вахтмейстера.³ На деле стихи этого необычайно популярного цикла, по-видимому, принадлежат разным авторам. Автор «Стихов в защиту дам» — И. М. Долгоруков; «Стихи на дам» («Умы дамски помутились. . .») ходили за разными подписями, в том числе и под инициалами Д. И. Ф. В., которые некоторые исследователи пытались рассматривать как зашифровку фамилии Д. И. Фонвизина (Фон-Визин).

С. С. Брайлоский опубликовал как принадлежащие Горчакову 9 стихотворений по сборнику, который датируется 1827 г. и был составлен в Новгороде-Северском неким Александром Яснопольским.⁴ Хотя большинство произведений в сборнике не имели имени автора, Брайлоский, специально занимавшийся сатирами Горчакова, решился атрибутировать их ему «по внутренним признакам» — содержанию, стиху, некоторым общим выражениям. Большинство его атрибуций до сих пор не подтверждено, а некоторые явно ошибочны. Так, шутливая песня «Гур и Фекла»

² Об авторстве «Гавриилиады» см. комментарий Б. В. Томашевского в кн.: *Пушкин А. С. Гавриилиада*. Пг., 1922.

³ Русские ведомости. 1891. № 35. С. 3.

⁴ *Брайлоский С. Н. Незданные сочинения кн. Д. П. Горчакова* // Литературный вестник. 1904. Т. 8. С. 213—236.

принадлежит И. М. Долгорукову и входит в его цикл «Стихи Ивана Горюна». Две сатиры — «Ода на день рождения отставного штаба Серопеголюбова» и «Епистола ему же», как явствует из их текста, адресованы какому-то жителю города Козельска. Некоторые стилистические особенности явно не свойственны Горчакову. Начало «Оды» — «Ну, к черту! Музы с Аполлоном, Мне голос лиры не знаком» — перекликается с «Одой кулачному бойцу» И. С. Баркова; в языке «Епистолы» есть украинизмы («за собственные грóши» и др.). Между тем в известных нам стихах Горчакова не встречаются ни явный бурлеск, ни южнорусские диалектизмы. Поэтому Г. В. Ермакова-Битнер в сборнике «Поэты-сатирики конца XVIII—начала XIX в.» (Л., 1959) совершенно справедливо отнесла «Оду» вместе с «Посланием к Брюзгину», также впервые опубликованным Брайловским, в раздел «Неизвестные авторы».

«Письмо от Толстошеина к Растрепину», включенное Брайловским в ту же подборку, относится к последним годам царствования Екатерины II и высмеивает распространившуюся моду носить толстые шейные платки. Щеголь в подобном наряде выведен в комедии А. Д. Копьева «Обращенный мизантроп, или Лебедянская ярмарка» (1794). В комедии А. А. Майкова «Неудачный стговор...» (1794) содержится изображение модника другого рода: «... волосы <...> растрепаны, расклакачены, и повисли все на лоб; взглянув на галстук, подумаете, что у него шея и горло распухли». ⁵ В «Письме» упоминается последовавший вслед за воцарением Павла I указ об освобождении из тюрем заключенных, арестованных при Екатерине II (1796), но нет ни слова о гонениях на французские моды (указ от 20 января 1798 г.). Это позволяет уточнить датировку стихотворения, но серьезное сомнение в авторстве Горчакова вызывает не свойственный ему макаронический стиль.

Вторую крупную публикацию произведений Горчакова осуществил С. П. Шестериков, который обнаружил сатиры Горчакова в сборнике, написанном на бумаге 1819 г., и напечатал шесть его ранее неизвестных стихотворений. ⁶ Его комментарий убедительно подтверждает их принадлежность Горчакову, или, во всяком случае, показывает, что такая атрибуция не противоречит ни литературной позиции, ни биографии, ни стилю поэта.

Спустя тридцать лет М. М. Персиц, занимаясь разысканиями в области антиклерикальной литературы XVIII в., использовала для публикации сатир Горчакова три рукописи: из частного собрания М. В. Нечкиной, из коллекции Формозова (списки произведений Горчакова, сделанные в середине XIX в.) и явно сборную рукопись антиклерикального содержания, где встречается бумага от 1799 до 1819 г. ⁷ В этой последней стихотворения помещены

⁵ Берков П. Н. История русской комедии XVIII в. Л., 1977. С. 342.

⁶ Шестериков С. П. Из неизданных стихотворений Горчакова // Известия по русскому языку и словесности АН СССР. 1928. Т. 4, кн. 1. С. 154—183.

⁷ Персиц М. М. Русский атеистический рукописный сборник XVIII—начала XIX в. // Вопросы религии и атеизма. М., 1959. Вып. 7. С. 361—393.

без указания автора. Устанавливая авторство, М. М. Персиц использовала то обстоятельство, что некоторые из них вошли как горчаковские в первые две рукописи, а также в публикацию С. П. Шестерикова.

Наиболее авторитетной с точки зрения атрибуций является в настоящее время подборка стихотворений Горчакова в подготовленном Г. В. Ермаковой-Битнер сборнике «Поэты-сатирики конца XVIII—начала XIX в.» во втором издании большой серии «Библиотеки поэта». Однако и здесь повторены некоторые ошибки переписчиков и составителей рукописных сборников. Среди эпиграмм, переписанных для Д. И. Хвостова, например, оказалась эпиграмма «Маралов написал стихов велику груду. . .», взятая из «Новых ежемесячных сочинений» и принадлежащая О. П. Беляеву: она входит в его сборник «Муза» (1794). Появление среди горчаковских стихотворений «Надгробия самому себе, 1797 г., марта 1 дня» связано с ошибочной подписью под этим стихотворением, появившимся впервые в журнале «Друг просвещения». На самом деле оно принадлежит не Горчакову, а Д. И. Хвостову, который в автобиографии объяснил конкретный повод, по которому оно было написано. «В торжественный въезд < . . . > в Москву для коронации 1797 года, — пишет Хвостов, — в самый день Вербного воскресенья, будучи камер-юнкером, принужден был слезть с лошади и написал себе следующую эпитафию:

Здесь всадник погребен, который век трудился,
Пегаса обуздав, себе доставить честь;
Но в сорок лет хотя на лошадь мелку сесть,
Садясь, не совладал, и досмерти убился.⁸

От печатного этот текст отличается лишь вторым стихом (в журнале: «Крылатого коня смиря, хвалу обресть»). Хвостову весной 1787 г. было в самом деле 40 лет. Горчакову, который был на два года его моложе, могло быть лишь 38—39 лет. Хотя Хвостов и служил в гвардии, по природе он был сугубо штатским и неловким человеком; скромное «слез с лошади» в его автобиографии означает попросту — свалился в самый неподходящий момент. С фигурой Горчакова, боевого офицера, содержание эпитафии плохо согласуется.⁹

Сатира на министров Александра I («Вновь года нарожденье. . .») написана в присущей Горчакову форме «ноэля». Она распространялась, а затем и многократно печаталась как его

⁸ ИРЛИ, ф. 322, № 14, л. 72, об.

⁹ В сборнике «Русская эпиграмма второй половины XVII—начала XX в.» (Л., 1975) журнальный вариант «Надгробия» напечатан под именем Горчакова (с. 143, № 332); другой вариант опубликован в разделе «Хвостов» (с. 138, № 314) по 3-му изданию его прижизненного «Полного собрания стихотворений» (СПб., 1834. Т. 7). Составители не обратили внимания на манеру Хвостова от издания к изданию перерабатывать свои стихотворения и решили, что имеют дело с двумя близкими, но сделанными разными авторами переводами неизвестного французского оригинала.

сочинение, несмотря на внутренние противоречия текста: здесь наряду с министрами осмеяны друзья и сочлены Горчакова по «Беседе любителей русского слова». После находки «Святок» в копии А. И. Тургенева их автором можно уверенно считать П. А. Вяземского.¹⁰

Уточнение состава сочинений Горчакова в существующих публикациях никак нельзя считать завершенным. Об этом свидетельствует подборка «Стихи неизвестного», включенная анонимным составителем в сборник «Книга, называемая когда что попало, собрана на Руси, в Крыму, в Молдавии, в Валахии, в Польше, на Волыне и Литве, как бы сказать, с немалыми хлопотами 1792 года декабря 23 дня». Здесь представлены материалы самого разнообразного характера, но в значительной степени литературные, а в их выборе заметен интерес составителя к произведениям сатирическим или юмористическим. Сборник давно известен историкам литературы. Л. Н. Майков по копиям из него напечатал два «доношения» Сумарокова, его использовали Г. А. Гуковский и В. Н. Орлов при публикации «подпольной» поэзии XVIII в., издатели академического собрания сочинений Ломоносова и составители сборника «Русская эпиграмма. . .». Однако какое-либо печатное описание сборника нам неизвестно. В литературе он получил условное обозначение «сборник А. Ф. Бычкова», хотя в настоящее время хранится в составе коллекции материалов журнала «Русская старина» М. И. Семевского.¹¹ На внутренней стороне переплета рукой А. Ф. Бычкова записано: «От Ардальона Михайловича Шишкова».

Для собрания произведений светского характера рукопись имеет неожиданно большой объем, более 550 листов форматом в 1/2 пол-листа. В ней встречается несколько писарских почерков (как минимум пять); каждый новый почерк появляется в начале очередной тетради. По-видимому, заполнялся сборник потетрадно в течение некоторого времени, начиная с указанной на титуле даты, и лишь затем к нему было составлено оглавление и он был переплетен. Владельческих записей сборник не имеет. Но на чистых листах, оставшихся на стыках тетрадей, встречаются тексты, вписанные скорописью, по всей вероятности уже владельцем сборника. Самые поздние из внесенных им датированных документов (указы, военные реляции) относятся к 1799 г. Сборник написан на бумаге трех сортов, русской и иностранной, выпущенной в 1790 и 1791 гг.

Эти краткие данные позволяют представить себе, как составилась столь объемистый литературно-сатирический компендиум. Закупая одновременно значительное количество бумаги, владелец с самого начала представлял примерно объем материала, который он собирался объединить, и, вероятнее всего, сборник был заполнен в течение сравнительно короткого промежутка времени.

¹⁰ См.: *Вяземский П. А.* Соч. М., 1982. Т. 1. С. 380.

¹¹ ИРЛИ, ф. 265, оп. 3, № 9.

Время завершения переписки определяется датами внесенных сюда копий с документальных материалов — частных писем, жалоб, прошений и пр. Документы за 1795 г. начинают встречаться со страницы 1052 (сборник пронумерован постранично); на последних листах, после страницы 1102 появляются выписки из реляций о действиях А. В. Суворова в Италии. Таким образом, копирование основной части текстов сборника велось с 1792 по 1794 г., а «немалые хлопоты» владельца по их собиранию относятся ко времени до 1792 г.

подавляющее большинство произведений включено в сборник анонимно, в том числе и такие, которые к тому времени уже были напечатаны с именами авторов (например, стихи Державина, Сумарокова). Косвенно это свидетельствует о том, что собирались они не по печатным изданиям, а заимствовались из более ранних рукописных сборников и, как правило, целыми комплексами. Так сюда попали «Гимн бороде» Ломоносова и связанная с ним полемика, стихотворная полемика 1753 г. вокруг сатиры И. П. Елагина «На петиметра» и другие материалы, охотно переписывавшиеся во второй половине XVIII в.

«Труды неизвестного» занимают страницы 401—455 и представляют один из таких комплексов. Объединение этой группы стихотворений под общим заглавием служит основанием для атрибуции всей подборки одному автору. Вопрос о том, кто это «неизвестный», решается тем, что ряд стихотворений из разных мест подборки определенно принадлежит Д. П. Горчакову, или в настоящее время аргументированно печатается под его именем.

Из опубликованных при жизни Горчакова (и за его подписью) произведений здесь имеются притча «Звери, больные чумою» (1806), «Стихи на случай болезни Г. И. Ш<ипова>» (1796, под загл. «Ода к Г. И. Ш.»; 1806, под загл. «Подагра»), «Моя исповедь при смерти» (1804, под загл. «Стансы»), «Письмо к Д. И. Х<востову>» (1804, под загл. «Писать к тебе желаю. . .»). На странице 425 помещено прозаическое «Письмо к Д. И. Х.», в котором упоминаемые лица обозначены, подобно имени адресата, лишь начальными буквами. Это список с реального письма Горчакова к Хвостову от 28 мая 1783 г. (ниже оно публикуется по автографу). Кроме того, в подборку внесены появившиеся в печати анонимно стихотворения «Письмо 1. Везде равно подвержен человек действиям природы» и «Письмо 2. Никакой человек не может сказать, что ему скучно от того, что нечего делать». Их более поздние редакции, также известные только по спискам, озаглавлены как «Беседы» 1-я и 2-я, обращенные к Н. П. Николеву. Принадлежность их Горчакову в настоящее время убедительно доказана.

Другая часть «Трудов неизвестного» совпадает с произведениями, извлеченными исследователями из других сборников и атрибутированными Горчакову. Это послание «Д. И. Х<востову>» («В Париже Палисот, волшебный взяв лорнет. . .»), опубликованное Г. В. Ермаковой-Битнер под заглавием «Ответ

на ответ» (с датой: начало 1780-х гг.). «Геперешняя моя жизнь. Письмо к Г. И. Шкипову» («Ахти, любезный мой Шипов. . .») атрибутировали Горчакову одновременно С. П. Шестериков и Г. В. Ермакова-Битнер (с датой: мая 1783 г.). «Корыстолюбивый опекун. Аллегория» стала известна по публикации М. М. Персиц так же, как и стихотворение «Моя философия» («Во храме быв красот, украшенном цветами. . .»). Стихи «Для чего» («Для чего в глаза ласкает Плутнев фалю своего. . .») и «Станс» («Когда Подлон кричит пред многолюдным кругом. . .») были приписаны Горчакову Брайловским; последнее Г. В. Ермакова-Битнер не решилась напечатать в основном корпусе произведений и поместила в число дубиальных сочинений Горчакова.

В составе «Трудов неизвестного» находятся одиннадцать эпиграмм, включенных под именем Горчакова в книгу «Поэты-сатирики конца XVIII—начала XIX в.»: 1) «Все лица в „Мельнике“ мне кажутся на стать. . .» (на Аблесимова); 2) «Что честность иногда бывает бесполезна. . .»; 3) «Не попусту Вольтер монахов ненавидел. . .»; 4) «Чертополох хотя бессмертным учиниться. . .»; 5) «Попам заграждена всегда во ад дорога. . .»; 6) «Велят свой ум скрывать поэтам сколько можно. . .»; 7) «Московской публике Мирон служить хотел. . .» (на Хилкова); 8) «Вздорон кричит: „Нельзя не верить колдунам. . .“»; 9) «Хоть Ниса ни к кому сурова не бывает. . .»; 10) «Заграбин в воровстве хотя явился грешен. . .»; 11) «Из ваших петербургских стран. . .» (на Д. И. Фонвизина; в тексте письма от 28 мая 1783 г.), и эпиграфия «Лежащий здесь Дамон, играв в волан, вспотел. . .». Пятая эпиграмма вошла также в публикацию М. М. Персиц.

Таким образом, в сборнике отсутствуют эпиграммы Горчакова 1800-х гг. на В. Л. Пушкина и Н. М. Карамзина и сатиры этого времени; сюда не вошли приведенные Г. В. Ермаковой-Битнер эпиграммы 1785—1786 гг. на Я. Б. Княжнина. Видимо, подборка «Труды неизвестного» сформировалась еще раньше, и попавшие сюда произведения Горчакова относятся к начальному периоду его поэтической деятельности (конец 1770-х—начало 1780-х гг.). Это заставляет скептически отнестись к принятой поздней датировке стихотворений, появившихся в «Друге просвещения». Опубликованные здесь новые редакции были переработкой произведений, написанных значительно раньше.

Подборка стихотворений из сборника А. Ф. Бычкова значительно обогащает представление о начальном периоде творчества Горчакова: из 58 стихотворений 30 ранее не были известны. Что же касается уже известных, то эта копия дает более верные, не испорченные переписками тексты. Например, она позволяет исправить нелепости, вкравшиеся в списки, которыми пользовалась Г. В. Ермакова-Битнер (вместо Приляйки — Присняк, персонаж эпиграмм Горчакова; вместо Палиод — Палиссо, французский драматург; вместо походе — погоде, с новой — снова и т. д. — см.: Поэты-сатирики конца XVIII—начала XIX в. С. 89—90, 104—105). Наличие в подборке «Оды творцу оперы

„Мельник“» дает возможность решить вопрос о ее авторе. Некоторые тексты имеют значительные смысловые разночтения по сравнению с поздними списками, дающие представление об особенностях ранних редакций.

Не ставя задачи устанавливать дефинитивные тексты Горчакова, приведем лишь примеры, чтобы показать характер разночтений.

В рукописи представлены самые ранние «Святки», относящиеся к началу 1780-х гг. К общеизвестному тексту сборник А. Ф. Бычкова позволяет добавить два новых куплета, идущих вслед за куплетом, посвященным В. В. Капнисту.

С кровавыми глазами
За ним □ хлоп;
И размахав руками,
Чуть-чуть Христа не в лоб.
Воп он! — вскричал Христос, — зачем сюда □
Да и прислушай <послушай?>, уж кричит,
Он дерзок, подл, и зол, и мнит,
Что он само □
□ рассердился
И хочет доносить,
Что с ним Христом бранился,
И следствия просить,
Не сыщутся ли в том участны и другие;
Но без суда за крик и здор
Он взашей вытолкан на двор
Писать стихи дурные.

Скорее всего, знаком масонской ложи зашифрована, как и в других случаях (Д. И. Фэнвизин, Арсеньев, В. П. Колычев, А. С. Хвостов, Д. И. Хвостов), какая-то фамилия, соответствующая размеру стиха и, кроме того, значащая, с каламбурным смыслом. Возможно, это И. Владыкин, до 1780-х гг. оставшийся предметом насмешек за нелепые стихи. Он был первым членом в Конторе конфискации.

Не останавливаясь на отдельных разночтениях рукописных текстов с уже известными в печати стихотворениями Горчакова, воспроизводим ниже 24 стихотворения из «Сочинений неизвестного». Для публикации выбраны произведения, которые в той или иной мере проливают свет на литературную ориентацию Горчакова. Три стихотворных послания обращены к участникам дружеского кружка Н. П. Николева, к которому принадлежал и сам Горчаков. Д. И. Хвостов вошел в кружок через своего дядю Ф. Г. Карина, считавшегося теоретиком литературы и арбитром в области «истинного вкуса». Почти ровесник Горчакова, Хвостов в начале 1780-х гг. был подающим надежды начинающим поэтом. Сочинения другого адресата, Г. И. Шипова, неизвестны, однако, если судить по отдельным замечаниям Николева и Горчакова, в дружеском кругу он славился остроумием и сатирической едкостью своих суждений.

Несмотря на узкий состав участников, эту дружескую группу отличали черты формирующейся «кружковости» в литературной жизни: яростная защита лидера, Николаева, в котором видели писателя, способного не только продолжить дело Сумарокова, но и превзойти учителя; нападки на противников, обмен дружескими посланиями, апелляция к мнению единомышленников.

В дополнение к стихотворениям помещаем четыре письма Горчакова, подлинники которых хранятся в бумагах Д. И. Хвостова (ИРЛИ, ф. 322, № 60, л. 88, 95, 98, 102); из них лишь отзывы о Д. И. Фонвизине были использованы в комментариях Г. В. Ермаковой-Битнер.

ПИСЬМО
К НИКОЛАЮ ПЕТРОВИЧУ НИКОЛЕВУ

Питомец чистых Муз, питомец Аполлона,
Вознесшийся на верх священна Геликова,
Счастливей Николев! Завидую тебе,
Завидую Пальмириной судьбе,
Но сею завистью невинной и незлобной,
Страшащейся нанести малейший людям вред,
И только алчущей тебе идти вослед,
Когда бы твоему имел я дар подобный.
Не препинай в пути стопы свои, мой друг!
Ступай, куда влечет пылающий твой дух!
Будь честью себе, будь честью народу,
Во недрах коего рожден, воспитан, взрос,
Собою оправдай ленивую природу,
Да нового в тебе Расина узрит Росс!
Яви, что не страной в нас чувства сопряженны,
Что остроумие родится и в снегах,
Что люди могут быть повсюду просвещенны,
Что разность между их в единых лишь умах,
Что ежели дурак рожден и во Афинах,
Он будет дураком считаться целый век,
А Сумароков наш, хотя родился в фицах,¹
Но будет навсегда великий человек.
О ты, который днесь во всем ему подобен,
А инде, может быть, его и превзошел,
Скажи мне, как на Пинд ты путь себе нашел
И как соделаться он мог тебе удобен,
Толико труден быв для множества других?
Пленя своих граждан, восхита чувства их,
С презрением, с жалостью на зависть ты зрираешь
И смелою ее ногою попираешь;
Под лавры скрывшися от ядовитых стрел,
Дивишься, что тебя язвить она желает
За то, что с нежностью Пальмиру ты воспел,²
Которая сердца всех зрителей пленяет;
Но вспомни, что Вольтер от зависти терпел,
Престань, любезный друг, престань сему дивиться,
Судьба худых творцов, чтоб завистью кипеть:
Кто с Музами достиг лишь только покумиться,
Тот ближней их родни не может уж терпеть.

СТИХИ
НИКОЛАЮ ПЕТРОВИЧУ НИКОЛЕВУ

Творец Пальмиры и Сорены,³
Питомец жителей священной Ипокрены,
Я справедливо стал, тобою восхищен:
Тобой воздвигнута театра падша слава,
И нежный нам творец Синава ⁴
Теперь сугубо возвращен,
Когда в тебе потомству для примера
Совокупленных зрим Расина и Вольтера.

СТИХИ К Д<МИТРИЮ> И<ВАНОВИЧУ> Х<ВОСТОВУ>

Так, любезнейший мой друг!
Чувство дружбы я питаю
И утехой считаю
Ею усладжать мой дух.
У подошвы гор священных
Псов мы видим разъяренных,
Друг на друга льющих злость
За обглоданную кость.
Но не слышно оных стона
На вершинах Геликона,
Где в жилище чистых Муз
Обитает нежный вкус.
Вы, которые добиться
Ищите в сии места!

Если в вас душа чиста,
Сердце завистью не тмится,
Чтите дружества закон;
Не найдете вы препон.
Знайте, с помощью друга
Достигают на Парнас.
На верху земного круга
Ни один еще б из нас
Не дошел до Ипокрены,
Если б льстивый Сирены
Слушал он единый глас;
Или злобного Зоила
Тщетной критики страшась.

СТИХИ Г<РИГОРИЮ> И<ВАНОВИЧУ> Ш<ИПОВУ> ⁵

Как с древа ветром отделяя
И пад в ручей, плывет листок,
Воды стремленью покоряся,
Куда влечет его поток;
То, погрузясь в воду, тонет,
То оныя наверх всплывет,
Погода бурная не тронет
Его, ни солнца ясный свет.
Он инде на пути сретает
Цветущи злачные луга,

А инде в мраке обретает
Заросши терном берега.
Средь сих премен бесперестанных
Спокойно продолжает путь,
Пока, доплыв морей пространных,
В них должен будет потонуть.
Таков есть жребий человека:
Он равнодушно должен зреть
На то, что рок велит терпеть
Во все теченье века.

ПЕРЕВОД С ГРЕЧЕСКОГО

Меркурия на милость преклоняет
Немного молока;

Ираклий более желает: ⁶

Ему потребно в дар вседневно два быка.
За то, мне говорят, оставших, уж конечно,
Сей бог хранит! О том я не вступаю в толк.
Но жертвенных быков мне жаль сердечно:
Что нужды, кто их съест, Ираклий или волк.

МАДРИГАЛ

Неправый обо мне повсюду слух ходил,
Что будто бога я совсем не почитаю.
Как может это быть, чтоб бога я не чтил,
Коль бога я в моей Ирсе обретаю.

1

Творенье Кака я с умильностью прочел,⁷
 Но впредь уже над ним трудить не буду арака.
 Не для того, чтобы за труд большой я счел,
 Но что. . . Сказать ли вам? Сие творенье кака.

2

Я эпиграмму зрел, бранить меня сплетенну⁸
 И в «Собеседнике» навеки погребенну.
 Что нужды до того? Пусть бредят, что хотят:
 Из гроба мертвецы живых не повредят.

3

Взмостясь на Парнас, Арсен с пером сидит⁹
 И мнит, что оным всех творцов он устрашает;
 А он преглуные сатиры лишь клеит,
 И только, как евнух в серале, всем мешает.

4

Кулимин во стихах узнал прямой свой род:¹⁰
 Рожден он для вранья, и врет уж пятый год.

5

Кулимин всем твердит, что я писатель скверный,
 А я боюсь везде, что он умен. Но что ж?
 К несчастью здесь народ такой неимоверный,
 Что речи обоих приемлет он за ложь.

6

Кулимин говорит, что я ему скучаю,
 Но он враньем своим мне столько скук навлек,
 Что если буду жить Мафусаилов век,
 То долг сей отплатить и тут ему не чаю.

7

Я слышал, что Присняк ко удивленью света¹¹
 Оставил спорить ремесло.
 Но лзя ль мне твоего не угадать ответа?
 Вот он: апреля первое число.

8

Присняк мне говорит: «Домой я удалюсь,
 Я до смерти иззяб». Тому я не дивлюсь:
 Теперь еще не лето,
 А он ни наго, ни одето.

9

Несчастлив наш Дамон в любви, в друзьях, в жене
 Затем, что ни любви, ни дружбы он не знает;
 В любви он был смешон, друзей подозревает,
 А счастье свое нашел теперь в вине.

Похож был наш Дамон на дьявола с души,
Однако ж то скрывал, как должно скромну мужу.
Но ах! Жена его все вывела наружу,
Поставивши рога Дамону на плечи.

Кто мнит не веровать из мертвых воскресенью,
Тому скажу теперь к его спасенью:
Для излияния несчастных многих слез
Кащей хоть окошел, но в Ахиде воскрес.¹²

«За Умнова идти, — Лаиса говорит, —
Сердечушко дрожит.
Боюсь, чтоб не потить за мужа мне лихова».
И вышла за Плохова.

Зря Ушкина всегда на бегуне,
Все люди говорят: конь едет на коне.¹³

Ириса говорит: «Куда ни погляжу,
Везде драгого я Тирсиса нахожу;
Во всех любезного мои встречают взоры».
Так отчего ж у ней с Тирсисом часто ссоры?
Я мышлю оттого,
Что зрит она во всех Тирсиса своего.

Ириса, пред тобой Житоков хоть финтует,¹⁴
Но твой супруг тебя к нему не приревнует.
Напротив, думаю, что следуя уму,
Супруга своего ревнуешь ты к нему.

К Венере Пигмальон моленье воссылал,
Влюбясь в иссеченный им камень,
Чтоб в камень сей вложить любовный пламень;
Услышан он с небес, и камень воспылал.
Но я, питающий в Ирисе страстной пламень,
В ней столько зрю излишнего огня,
Что боги счастливым соделали б меня,
Когда б ее преобразили в камень.

Всесильная любовь!
Перед тобою все безгласны,
Во всех тобой пылает кровь,
Все смертные тебе подвластны.
Герой не избежит никак твоих оков,
И тени восстают тобою из гробов.

Я знаю, что сии прекрасные цветы
 Далеко от твоей отстали красоты.
 Но тем, красавица, не возгоржайся ты,
 И помни всякий раз, когда на них ты взглянешь,
 Что так же, как они, от времени увянешь.

Письма Д. П. Горчакова к Д. И. Хвостову

1

Мая 28 дня 1783 года, Москва

Я виноват перед тобою, мой любезный друг Дмитрий Иванович. Леностию оправдаться было бы мне стыдно; однако надеюсь, что ты снизойдешь к моим обстоятельствам, когда скажу тебе, что:

Любовь, душа вселенной,
 Оселок мудреца,
 Которая разит чувствительны сердца
 И коей покорясь, наш разум ослепленный
 Находит своего блаженства в ней творца,

любовь отчасти была причиною моего перачения писать к тебе. Кто ей не был покорен? Суди по себе, мой любезный друг. Правда, что она непростительна, когда заставляет позабывать друзей. Но таков человек. Он не может положить пределов своей слабости. Однако же:

Рассыпалось прельщенье,
 Явился обнажен глазам моим призрак;
 Узрел я, что в любви и умный, и дурак
 Находят лишь мученье.

И для того оставя ее, исполняю мою должность.

Благодарю тебя за драгоценный твой подарок, который назад тому несколько дней получил я чрез князь Якова Алексеевича.¹⁵ Ты догадаешься, что я говорю о книжке, от тебя мне присланной.¹⁶ Я с удовольствием увидел в ней друга, который меня помнит и среди веселостей столицы. Но что могут они над тобою! Друг, достойный прославлять Вольтера, никогда не перестанет быть человеком. Скажу тебе без лести, что перевод твой достоин как подлинника, так и того, кто в оном похваляем. Последние два стиха, из положенных в начале сей книги, неосценны. Это долг великих людей, чтоб возвещать славу себе подобных.

Теперь должен я тебе, любезный друг, объявить о здешних новостях.

Из ваших петербургских стран,
 Приехал к нам Денис тиран,
 Однако же не сиракузский;
 А чисто наш мучитель русский.

Он здесь многое бранит, его многие не слушают; итак, все разошлись по своим. Здесь был играп «Недоросль» и принят, как должно недорослю. Может быть, оттого, что здесь народ простой, и всякую вещь принимает по ее имени, не в состоянии будучи догадаться, что она хороша.¹⁷

В прошедшую пятницу играли здесь «Пальмиру» Николая Петровича Николева.¹⁸ Она принята с восхищением. Никакое еще новое сочинение с тех пор, как я езжу в театр, не приносило обществу столько удовольствия, и когда вышел актер объявлять, зрители потребовали «Пальмиру», и упоенный веселием партер не переставал хлопать и стучать, пока ее не объявили. Сообщаю тебе стихи, на сей случай сделанные, а при том письмо мое к Григорию Ивановичу Шипову.¹⁹ Долг платежом красен. Не прогневайся, что плачу медными деньгами. Затем, прощай, любезный друг, и я, желая тебя как <можно> наискоряе видеть, остаюсь навсегда твой покорный слуга и верный друг

Князь Дмитрий Горчаков.

Милостивому государю моему Федору Григорьевичу²⁰ свидетельствую мое искреннее почтение.

2

Il est bien difficile, mon cher ami, d'atteindre à ce temple, dont parle Mr. de Voltaire dans un certain chant de la Pucelle²¹ quand même j'aurois tous les talents que vous m'attribuez gratis. Relisez ce chant et vous verrez combien de gens se cassent le col en grim pant vers la déesse. Ma petite bagatelle dont vous faites tant d'éloges,²² pourroit bien me procurer le même sort, si elle m'inspiroit la confiance de tenter le voyage. D'ailleurs vous savez, cher ami, que je ne suis pas de ces gens qui crient:

O! Renommée! O! puissante déesse
par charité parlez un peu de nous.

Une chanson n'est pas un titre pour se croire en droit d'ennuyer le public dans de longs ouvrages; et sûrement ce n'est pas à un paresseux comme moi à forcer les barrières qui nous séparent de la vraie gloire; après tout, est-on si sûr de parvenir à son but? et parvenu est-on si bien payé de ses peines? que d'ennemis ont attiré à plusieurs grands hommes (ce n'est pas que je mette de leur nombre, j'en suis fort éloigné) leurs veilles et cette fumée qu'on nomme réputation. Vivons pour nous quand nous ne pouvons pas vivre pour les autres. Il y a tant de gens qui se mêlent d'enseigner ou du moins de faire rire le genre humain! (quelques-uns réussissent dans le dernier, mais à leur depends). Peut-être que j'ai quelque talent! Mais qu'il est dagereux de produire au grand jour ce qui plaît à des amis. Souvent on nous applaudit en société et on nous

сифле en public et c'est bien desagréable. Il n'y a que Micoulin qui ait pris pour sa devise.²³

Plus on me siffle plus j'écris.

L'amitié est indulgente, mon cher amis, mais le public est sévère; les faux talents peuvent l'éblouir, mais tôt ou tard il les réduit à leur just valeur. Témoin Denis le tiran: de toute sa réputation il ne lui reste que ses lunettes. Mais après avoir fait des essais aussis heureux dans un genre où Lafontaine seul a excellé, poursuivez, ne nous privez pas du plaisir de vous lire.²⁴ Vous series, cher ami, criminel de lèze littérature.*

Я не лъщу тебе; ты знаешь, что это не мой обычай.

Я лестью моего пера не отравлял.

Моя искренности, может быть, навлекла мне несколько неприятелей, но лесть никогда не приобретала мне друга.

Скажу тебе, любезный мой Дмитрий Иванович, что приближается день,

* Весьма трудно, любезный друг, войти в тот храм, о котором говорит г-н Вольтер в известной главе «Девственницы», даже если я и наделен всеми талантами, кои ты мне напрасно приписываешь. Перечитай эту песнь, и ты поймешь, какое множество людей сломали себе шею, карабкаясь к подножью богини. Моя маленькая безделка, которой ты расточаешь столько похвал, уготовила бы мне ту же судьбу, если бы внушила мне намерение пуститься в такое путешествие. Впрочем, ты знаешь, дорогой друг, что я не из тех, кто восклицает:

О, слава! О, всемогущая богиня, смилостивься,
поговори немного о нас.

Песенка не основание считать себя вправе скучить публике длинными сочинениями; и конечно, не такому ленивцу, как я, преодолеть препятствия на пути к истинной славе, да и точно ли достигнем мы своей цели? а успех пробившегося вперед стоит ли его трудов? Ночные бдения и этот дым, который именуют известностью, только создали врагов множеству великих людей (себя я не отношу к их числу; для этого я слишком ими восхищаюсь). Будем жить для себя, ежели не можем жить для других. Сколько людей берутся учить или по крайней мере смешить род человеческий! (иные добиваются успеха в этом последнем, но в ущерб себе). Возможно, у меня есть некоторые способности. Но опасно создавать возвышенное только для того, чтобы угодить друзьям. Часто нам рукоплещет общество, а публика нас освистывает, и это весьма неприятно. Один Микулин взял себе это за правило.

Чем больше я пишу, тем больше меня освистывают.

Дружба снисходительна, мой любезный друг, публика строга; фальшивые дарования могут ввести ее в заблуждение, но рано или поздно их низводят до действительной цены. Подтверждение — Денис-тиран: изо всей его известности не останется ничего, кроме его очков. Однако после того, как появился столь счастливый опыт в жанре, в котором блистателен один Лафонтен, продолжай, чтобы не лишить нас удовольствия читать тебя. Ты будешь, любезный друг, преступником перед литературой.

où mon front
Ceint le premier laurier ou rougit d'un affront,**

то есть скоро будут играть мою оперу.²⁵ Прощай, любезный друг, люби меня. Дружба твоя для меня драгоценна. И я знаю цену оной.

Твой верный друг К. Д. Горчаков.

Декабря 31 дня 1783 года, Москва.

3

1786 года генваря 29 дня, Москва.

Спешу благодарить тебя, любезный друг Дмитрий Иванович, за дружеское твое письмо и за прекрасные твои стихи, кои вместе изображают твое ко мне чувство. Дружба твоя мне драгоценна, и я с восхищением вижу, что ты меня помнишь. Нонче летом узнав от Григория Ивановича²⁶ (который благодарит тебя за приписание и уверяет, что он тебя всегда любит), что ты в Москве, и имея нужду быть в городе, я поспешил тремя днями прежде назначенного времени приездом, чтобы тебя увидеть. Но к огорчению моему узнал, что ты накануне уехал. Сей досадный случай должен бы я был наградить письмом; я того не сделал и в том винюсь.

Радуюсь, что ты с удовольствием проводишь время в Петербурге; но за что оставил ты муз?

Сии парнасские кокетки
Желают целый свет иметь в цепях своих;
А ты у них
Был из любовников таких,
Которые на Пинде редки.
Не должно дамам изменять,
Не нравно это им, я в том уверен,
И ежели богиням ты неверен
Чего же от тебя уж смертным ожидать?

Так, любезный друг, ты имеешь дар, имеешь знания, и ты знаешь меня столько, чтоб мне поверить.

Я чувствам никогда моим не изменял,
И лестью моего пера не оравлял.

Почто ж ты лишаешь Россию удовольствия похвастаться перед Франциею лишним Лафонтеном. Я бы предоставил тебе во убеждение все сказанное тобою г-ну Муравьеву²⁷ (которому прошу засвидетельствовать мое почтение), но что сказано хорошими стихами, то посредственной прозой не должно переговаривать. Словом: следуй чувствам своим, и Россия почтет у себя лишнего украшающего Парнас ея мужа.

** когда чело мое покроют первые лавры, или краска позора.

Теперь скажу о себе, что я не вовсе расстался с Музами, и женитьба моя не мешает мне быть с ними знакому.

Княгиня к Музам не ревнива,
Напротив, и сама в стихах находит вкус.
А мало оттого над ними я тружусь,
Что Муза черезчур моя ленива.

Однако ж она производит помаленьку, и я бы мог изрядным числом безделок попробовать твоего терпения, mais je ne suis pas si mechant.* Между прочим, скажу, что я написал оперу, называемую «Щастливая тоня», которую затем не посылаю, что не переписана, а я спешу ответить тебе.²⁸ Но по первой почте пришлю. Еще я скажу, что:

Другого роду огонь во мне теперь вспылал;
Я Момову на час гремушку оставляю,
И Мельпоменин взяв кинжал,
В Америку полет Пегаса направляю.
Стремлюся лавры разделить
С творцом бессмертных «Сорены»,²⁹
С которым мы живем, и будем вечно жить,
Ладнехонько у токов Ипокрены.
Хотя у нас на Пинде с ним
Чересполосное владенье,
Но чувство дружбы мы храним,
И в ней находим услажденье.³⁰

То есть (сказать в прозе) я пишу трагедию, которую как скоро кончу, сообщу тебе. Теперь во придаток (чтоб чем-нибудь заплатить за твой гостинец) посылаю маленькую комедию. Я ее сделал по просьбе приятелей моих князей Голицыных для домашнего их театра, на котором мы сбирались играть в деревне,³¹ и она в Москве не была играна. Содержание же сей комедии есть один известный в здешнем городе анекдот.

Но величайшее мое желание есть прочесть похваляемую тобою комедию о похищении Кати.³² Я не сомневаюсь, чтоб она не была хороша, потому что ты ее хвалишь. И ты меня чувствительно одолжишь, если твоим предстательством могу ее получить. Попроси, любезный друг, у автора (коего хотя и не имею чести знать, но почитаю, поелику он тебе приятель) позволения прислать ее ко мне. Затем остаюсь верный твой друг и покорный слуга

К. Д. Горчаков.

Княгиня моя благодарит вас за приписание и весьма желает познакомиться с человеком, который столько любит ее мужа и делает такие прекрасные стихи.

Николай Петрович Николев вам кланяется, и уверяет вас, что он никогда вас не забывает.

* но я не настолько дурной человек.

20 апреля 1789 года, Калуга.

Любезный друг, Дмитрий Иванович!

Испытанная твоя ко мне дружба подает мне причину надеяться, что ты мне чистосердечно скажешь и теперь свое мнение, *et ton goût et tes connaissances me répondent de sa justesse.**

Я начал переводить «Федру»³³ (*pour vous aider en quelque sorte dans l'accomplissement de votre excellente épigramme contre Knejnin*³⁴) ** и, переведя первую сцену ея роли, препровождаю ее на суд к переводчику «Ифигении»,³⁵ прося тебя сказать чистосердечно, продолжать ли мне?

C'est ainsi que la terre avec plaisir rassemble
Ces chênes, ces sapins, qui s'élèvent ensemble;
Un suc toujours égal est préparé pour eux;
Leur pied touche aux enfers, leur âme est dans les cieux;
Leur tronc inébranlable, et leur pompeuse tête,
Résiste en se touchant aux coups de la tempête.
Ils vivent l'un pour l'autre; ils triomphent des temps
Tandis que sous leur ombre on voit de vils serpens
Se livrer en sifflant des guerres intestines
Et de leur sang impur arroser leur racines.***

Je n'ai pu m'empêcher de transcrire ces vers n'ayant pu les traduire. Они суть оправдание моей к тебе доверенности и извинениис, если тебе несколько и наскучил. Тот, который истинно тебя любил, и есть твой искренний друг и покорный слуга

К. Д. Горчаков.

Примечания

¹ А. П. Сумароков родился в Вильманстранде, где в 1717 г. стоял полк его отца.

² «Пальмира» (1781), трагедия Н. П. Николева. См. также прим. 18.

³ «Сорена и Замир» (1784), трагедия Николева (представлена 12 февраля 1785 г.).

⁴ Творец «Синава» — А. П. Сумароков, автор трагедии «Синав и Трувор».

⁵ Г. И. Шипов (1742—1807) входил в дружеский литературный кружок Николева, адресат стихотворных посланий Николева и Горчакова.

⁶ Ираклий — Геракл, герой греческой мифологии.

* а твой вкус и твои познания уверяют меня в его правоте.

** чтоб в некотором роде исполнить то, о чем ты говоришь в превосходной эпigramме на Княжнина.

*** С радостью земля возвращает рядом эти дубы и ели; для них приготовлена едвая пища, корнями они досягают ада, их душа — в небесах; негнибемый ствол и пышная крона противостоят ударам бури. Они живут друг для друга, они торжествуют над временем, тогда как под их сенью с шипением гадкие змеи предаются войне с себе подобными и орошают своей нечистой кровью их корни.

⁷ Творенье Кака — подразумевается «Сатира I» В. В. Капниста (како — славянское название литеры «К»), впервые напечатанная в журнале «Санкт-петербургский вестник» (1780. Июнь).

⁸ Ответ на эпиграмму Капниста «Напрасно Стихобред сказал, Что братом уж давно осла я почитал. . .» (Собеседник любителей российского слова. 1784. Ч. 17. С. 22), в свою очередь являющаяся откликом на «Святки» Горчакова, где к Капнисту относились стихи: «За брата он родного Осла давно уж чтил».

⁹ Арсен — Арсенев, автор сатиры «Обед Мидасов» и ряда других рукописных сатир (см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978. С. 137).

¹⁰ Кулимин — анаграмма имени одописца Николая Петровича Микулина (р. 1754 г.); с 1779 г. жил в Москве в отставке. Сюжет эпиграммы № 5 обработан также И. Ф. Богдановичем («На злоречие», 1763 г. — См.): Русская эпиграмма второй половины XVII—начала XX в. Л., 1975, С. 98).

¹¹ Условное имя «Присняк» встречается также в эпиграмме Д. И. Хвостова «Ты хочешь, чтобы я о Присняке тужил. . .» (Русская эпиграмма второй половины XVII—начала XX в. С. 141).

¹² Имя «Ахид Скрягин» упоминается также в одной из сатирических статей в журнале «Иртыш, превращающийся в Ипокреку» (1791. Октябрь. С. 30).

¹³ «Конь едет на коне» — сюжет, многократно обработанный русскими поэтами (А. П. Сумароков, Ф. Г. Волков, Г. Р. Державин, Г. А. Хованский, И. И. Бахтин).

¹⁴ Житоков хоть фінтует — возможно, данная эпиграмма связана с анонимной эпиграммой в «Санктпетербургском вестнике» (1780. Ч. 5. С. 200): «Финтаков написал стихов и прозы много. . .» (см.: Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952. С. 339).

¹⁵ Князь Яков Алексеевич — лицо неустановленное.

¹⁶ Книжка — «Слово похвальное г. Волтеру. . .» Фридриха II, короля прусского (СПб., 1783). Книга вышла без указания имени переводчика. Однако в примечании к «Моим стихам при переводе похвального слова короля прусского Волтеру» (Горчаков упоминает о них) Хвостов указывает: «Автор в первый (1783) год знакомства своего с почтеннейшим сочинителем „Модной жены“ и „Причудницы“ (т. е. с И. И. Дмитриевым. — В. С.) перевел похвальное слово Волтеру < . . . > Перевод сей напечатан был < . . . > в том же году. Хвостову же принадлежит и перевод «Эпитафии господину Волтеру, сочиненной г. ле Брюном», помещенный на последней странице издания (Хвостов Д. И. Полн. собр. стихотворений. 3-е изд. СПб., 1830. Т. 5. С. 292).

¹⁷ Первые два представления «Недоросля» Д. И. Фонвизина в Москве состоялись 14 и 17 мая 1783 г.

¹⁸ Трагедия в стихах «Пальмира» впервые была представлена 26 мая 1783 г.

¹⁹ Стихотворное письмо Горчакова к Шипову см.: Поэты-сатирики конца XVIII—начала XIX в. Л., 1959. С. 93.

²⁰ Федор Григорьевич — Карин.

²¹ Песнь 6-я поэмы Вольтера «Орлеанская девственница».

²² О каком стихотворении Горчакова идет речь, неясно.

²³ Микулин — см. прим. 10.

²⁴ В приложении к изданию комической оперы Николаева «Розана и Любим» (М., 1781) была напечатана первая басня Хвостова «Притча. Роза и любовь», расхваленная Николаевым.

²⁵ Комическая опера Горчакова «Калиф на час» была представлена 21 мая 1784 г. в Москве.

²⁶ Григорий Иванович — Шипов. См. прим. 5.

²⁷ Михаил Никитич — Муравьев, поэт; знакомый Хвостова с конца 1770-х гг.

²⁸ «Щастливая тоня», комическая опера, была представлена 14 января 1786 г. (изд. М., 1786).

²⁹ Творец Сорены — Николаев, автор трагедии в стихах «Сорена и Замир».

³⁰ Замысел трагедии Горчакова из истории инков, по-видимому, не был осуществлен.

³¹ Возможно, речь идет о семействе Николая Михайловича Голицына, владельца Вязем, общего приятеля Горчакова и Николева. Комедия Горчакова неизвестна.

³² О какой пьесе идет речь, не установлено.

³³ «Федра», трагедия Ж. Расина. На письме имеется позднейшая приписка почерком секретаря Хвостова, сделанная, видимо, под диктовку: «Кроме сей первой сцены от Горчакова „Федры“ ничего не осталось; сказано, видно, было отрицательное: не продолжать».

³⁴ Возможно, имеется в виду эпиграмма Хвостова «Вору у Аполлона», датированная 1789 г. и содержащая обвинения в заимствованиях у разных авторов и подражании им; это распространенный тип нападок на «переимчивого» Княжнина (*Хвостов Д. И.* Полн. собр. стихотворений. 3-е изд. Т. 5. С. 297).

³⁵ Существует издание «Ифигения, трагедия в пяти действиях. На российске стихи свободно предложенная с господина Расина» (М., 1796). Возможно, это и есть перевод Хвостова. Он приписывался Ф. Г. Карину, однако сохранилось свидетельство Хвостова (племянника Карина), что каринский перевод не был напечатан (см.: *Саитов В. И.* Ф. Г. Карин: Один из малоизвестных писателей второй половины XVIII в. СПб., 1893. С. 20).